

DOI: 10.31857/S086919080005246-7

Для цитирования: Габелко О. Л., Рунг Э. В. [Рец. на:] А. С. Балахванцев. *Политическая история ранней Парфии*. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 192 с., ил. ISBN 978-5-89282-765-2. *Vostok (Oriens)*. 2019. № 3. С. 196–205. DOI: 10.31857/S086919080005246-7

For citation: Gabelko O. L., Rung E. V. [Review of:] Archil S. Balakhvantsev. *Politicheskaya istoriya rannei Parfii (Political History of Early Parthia)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2017, 192 pp., ill, ISBN 978-5-89282-765-2. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 3. Pp. 196–205. DOI: 10.31857/S086919080005246-7

А. С. БАЛАХВАНЦЕВ. *ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННЕЙ ПАРФИИ*. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 192 с., ил. ISBN 978-5-89282-765-2¹

© 2019

О. Л. ГАБЕЛКО^{а)}, Э. В. РУНГ^{б)}

^{а)} Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8321-9195; Researcher ID: S-4667-2017; gabelko@mail.ru

^{б)} Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4200-4486; Researcher ID H-8485-2013; eduard-rung@mail.ru

Тематика, связанная с историей державы Аршакидов, чрезвычайно обширна и многообразна, что вполне объяснимо ввиду огромной исторической роли (хотя порой и недооцениваемой), сыгранной Парфянским царством, которое на протяжении веков было мировой державой и основным соперником Римской республики, а затем и империи. В отечественной науке существует серьезный задел в изучении парфянской проблематики, представленный, прежде всего, работами по преимуществу археологического (исследования В. Н. Пилипко и др.) и более комплексного (условно назовем его историко-археологическим – труды Г. А. Кошеленко, А. Н. Бадера, В. А. Гаибова и др.) направлений; единственное же собственно историческое обобщающее исследование [Бокшанин, 1960–1966] к настоящему времени безнадежно устарело. На этом историографическом фоне А. С. Балахванцеву удалось выбрать для своей монографии такую тему, которая придает его работе несомненную актуальность и ярко выраженную новизну. Автор обращается к принципиально важному, но очень плохо освещенному источниками и оттого недостаточно глубоко рассмотренному в антиковедении и востоковедении процессу становления Парфянского царства, т.е. (если говорить непосредственно о военно-политической истории) периоду от вторжения парнов под руководством Аршака I в Парфию и до начала парфянского великодержавия при Митридатe I. В работу включены, впрочем, и содержательные экскурсы в более ранние периоды (часть их вынесена в Приложения); тем самым структуре исследования придаются необходимые стройность, логичность и вместе с тем многогранность. Концептуальная значимость исследования – причем для изучения не только собственно Парфии, но и отдельных аспектов истории эллинизма вообще – такова, что книга, несомненно, требует довольно подробного разбора.

Во введении (с. 7–16) изложены основные «технические моменты» исследования. Следует отметить, прежде всего, четкую постановку цели и задач, удачно коррелирующих с «программой» для автора фразой Страбона (XI. 9. 2) о характере парфян: «...их образ жизни и обычаи, имеющие много варварского и скифского, но еще больше – по-

¹ Работа О. Л. Габелко выполнена в рамках гранта РНФ 19-18-00549 «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках».

лезного для господства и военных успехов» (с. 29–30): именно от ее верной трактовки, по мнению А. С. Балахванцева, зависит адекватное понимание сути истории ранней Парфии. Автор достаточно подробно характеризует неоднородный по характеру корпус источников, хотя обзор произведений древних авторов выглядит, пожалуй, чрезмерно лаконичным (с. 10–13); странным образом больше всего внимания (причем сугубо критического) уделено анализу произведения Моисея Хоренского – с. 9–10; его, на наш взгляд, также следовало бы переместить в Приложения. Характеризуя работу автора с источниками, следует отметить один принципиально важный момент. Не будучи изначально профессиональным археологом, А. С. Балахванцев активно и продуктивно участвует на протяжении многих лет в археологических экспедициях, в том числе непосредственно связанных с основной темой его исследований, а также имеет ряд публикаций важных археологических артефактов; преподавая в течение длительного времени древнегреческий и латинский языки, он тем не менее оказался достаточно сведущ и в клинописи (аккадской и древнеперсидской), и особенно в чтении и трактовке арамейских надписей, имея ряд опубликованных исследований и в этой области. Всё это вкуче с квалифицированным анализом чрезвычайно информативного при недостатке письменных источников селевкидского и собственно парфянского нумизматического материала (не говоря уже о чрезвычайно основательном и в некоторых моментах поистине новаторском подходе к античной нарративной традиции) позволяет ему, как кажется, добиться оптимального по степени эффективности синтеза источниковедческих и общенсторических методов исследования вначале для постановки научно значимых проблем, а затем – их успешного решения. Обзор историографии (с. 13–16) наглядно демонстрирует недостаточную изученность темы в том аспекте, как она сформулирована в данной работе, и необходимость рассмотрения ее с привлечением методических подходов, используемых автором. Вызывает уважение, хотя и может показаться несколько наивным для нашего времени, цитирование без каких-либо обиняков и методологических экивоков знаменитой фразы Л. фон Ранке (с. 8): А. С. Балахванцев далее наглядно показывает, что говорить о каких-либо теоретических обобщениях применительно к раннепарфянской истории необходимо и возможно только на основе тщательнейшего анализа и интерпретации доступного источникового материала и выявления действительно *новых* фактов.

Первая глава книги «Парфия: земля и климат», состоящая из двух параграфов (с. 17–23), посвящена проблемам исторической географии Парфянского государства. Вначале автор детально рассматривает крайне противоречивые сведения источников о локализации исторической области Парфии, ее границах, внутренних областях и главных населенных пунктах. Критические замечания могут быть высказаны, пожалуй, в отношении лишь одного разбираемого автором вопроса. На с. 17 А. С. Балахванцев рассматривает проблему локализации ахеменидской сатрапии Партавы и полагает, будто она была объединена в одну административную единицу с Гирканией. Однако привлекаемые им ахеменидские источники (Бехистунская надпись, надписи Дария из Суз, надпись из Накши-и-Рустам) при ближайшем рассмотрении как раз и не обнаруживают существования такого объединения Парфии с Гирканией. Списки стран и народов упоминают только лишь о Партаве в числе подвластных Ахеменидам стран, не называя вовсе Гирканию (что еще не свидетельствует в пользу единой сатрапии Парфии-Гиркании, поскольку хорошо известно, насколько царские списки были избирательны в перечислении тех или иных областей Персидской империи) или, напротив, даже говоря о них по отдельности (DB. II. 92–93). Данные Страбона (XI. 9. 1) и Геродота (III. 92–93) на этот счет тоже довольно противоречивы. Таким образом, приведенные автором свидетельства не убеждают в том, что при Ахеменидах не существовало отдельной сатрапии Партавы – Парфии. И даже если следовать Страбону, то объединение Парфии с Гирканией могло существовать лишь в какой-то момент в более чем двухвековой истории Ахеменидской империи.

На первый взгляд, производит не вполне однозначное впечатление второй параграф (с. 24–27): безусловно, А. С. Балахванцеву невозможно отказать в глубоком знании природных реалий Центральной Азии и Северо-Восточного Ирана (рельеф и ландшафт, климат, почвы и водные ресурсы, растительный и животный мир), но иногда создается впечатление, что этот материал не стыкуется вполне органично с основной темой работы. Между тем, внимательное прочтение текста показывает, что это совершенно не так, и автор идет верным, хотя и не очевидным, путем. Подбор и анализ этих данных, дополненные принципиально важными выводами второй, а отчасти и последующих глав, идеально работают на общую концепцию исследования, поскольку со всей наглядностью демонстрируют: ираноязычные кочевники дахи, создавшие Парфянское царство, в ходе своих многочисленных переселений, грубо говоря, стремились завоевывать те регионы и обосновываться там, где им удобно было пасти своих овец; соответственно подобная экономическая модель и строящиеся на ее основе архаические политические структуры не только не способствовали становлению державы Аршакидов как «нормального» эллинистического государства, сильного политически и экономически, но и, напротив, тормозили этот процесс.

Во 2-й главе, «Среднеазиатские дахи в V–III вв. до н.э.» (с. 28–41), исследователь, отчасти продолжая историко-географическую тематику, совершает ретроспективный экскурс в этническую историю дахов V–III вв. до н.э., локализует области их проживания в различные периоды, реконструирует пути их миграций. Здесь он тоже подвергает тщательнейшему рассмотрению сведения античной традиции, а наряду с этим уверенно оперирует обильным археологическим материалом – данными о погребальном обряде дахов и их соседей, анализом ряда важных артефактов и пр. (причем многие из тех регионов, о которых А. С. Балахванцев тут говорит, знакомы ему не понаслышке). Возможно, кто-либо из археологов – специалистов по Южному Уралу, Казахстану и Средней Азии – мог бы попытаться уточнить или даже оспорить те или иные положения этой части работы (например, кажущийся мне особенно ответственным тезис о «прародине» дахов в Оренбургской области, а также «расклад» переселений различных их групп по Центральной Азии), но в целом они выглядят весьма убедительно.

Материал главы 3, «Греко-македоняне и народы Востока в державе Селевкидов» (с. 42–54), имеет концептуальный (а может быть, даже теоретический) характер для понимания многих проблем эллинистической истории. Он весьма интересен и содержателен, полемичен по своему характеру и открывает довольно широкие возможности для дискуссий. По нашему мнению, автор чрезмерно категоричен в негативной оценке эвристического потенциала сформулированной П. Брианом концепции «доминирующего этнокласса» в эллинистическом мире, не уделяет в то же время должного внимания более гибкой концепции «господствующего общества» и притом не упоминает вовсе понятия «придворного общества», что несколько ослабляет надежность его выводов. На наш субъективный взгляд, именно представив в сочетании и взаимодействии названные три категории в различных регионах эллинистического мира, мы сможем надеяться получить некий более или менее «универсальный ключ» к пониманию сущности эллинистической монархии и цивилизационного феномена эллинизма. А. С. Балахванцев же приводит довольно значительный массив информации (трактовать которую можно все-таки по-разному), свидетельствующей, с его точки зрения, об отсутствии в державе Селевкидов системы прямого и непосредственного политического господства завоевателей над местными восточными народами (с некоторой иронией можно представить, что, наверное, в таком случае греко-македоняне в этом государстве мог мучать вопрос: за что боролись?!). Соответственно население Северо-Восточного Ирана, входившего в состав селевкидского государства, по мнению исследователя, не имело особых оснований подерживать вторгшихся сюда дахов (ср. с. 69). Это обобщение, в сущности, делается для

того, чтобы найти подтверждение действительно важной фразе Страбона о том, что «вначале Арсак был бессилен, непрерывно воюя с теми, у которых он отнял землю, как он сам, так и его наследники» (XI. 9. 2), из которой в последующих частях работы делается целый ряд важных выводов; однако исходить тут нужно в первую очередь именно из анализа источника, а не из достаточно абстрактной схемы.

В пяти последующих главах автор переходит уже непосредственно к основному предмету исследования, детально, насколько это позволяют скудные данные источников, прослеживая вехи военно-политической истории Парфии на пути от становления государства вплоть до перехода Аршакидов к крупномасштабной территориальной экспансии. В целом не вызывает серьезных возражений линия, последовательно проводимая А. С. Балахванцевым в оценке этих событий: стремление воздерживаться от преувеличения успехов первых Аршакидов в борьбе с Селевкидами; констатация полной несостоятельности попыток трактовать ее как «национально-освободительную»²; акцентирование противоречий между захватчиками-дахами и оседлым греко- и ираноязычным населением Парфии, Гиркании и других подчиненных ими областей. Вместе с тем дополнительные сложности для анализа этого комплекса вопросов, которые весьма непросты сами по себе, создает непреложная необходимость рассматривать их в обширном общеэллинистическом (а порой – и общесредиземноморском) контексте с привлечением всей нужной для этого историографии.

Без сомнения, к наиболее сильным частям работы относится 4-я глава «Рождение Парфии». В частности, в ее первом параграфе, «Две античные традиции возникновения Парфии» (с. 55–61), А. С. Балахванцев убедительно доказывает, что из двух версий относительно сути начала истории и происхождения Аршакидов – Страбона/Трога/Юстина и Арриана – следует безоговорочно предпочесть первую, восходящую к такому относительно надежному источнику, как Аполлодор из Артемиды, и именно из этого факта следует исходить при дальнейшей трактовке событий. Между тем на с. 63 монографии, цитируя замечание Юстина (XLI. 4. 6) о том, что Аршак был человеком неизвестного происхождения, но испытанной доблести и занимался разбоем и грабежом до того, как стал предводителем парфян, автор воспринимает эти слова буквально и, исходя из этого, полагает, будто «в этой войне каждый род, желающий не только выжить, но и победить, был вынужден создавать дружину из юношей, чьей основной профессией теперь стала война. Логично предположить, что именно благодаря проявленной им доблести... Аршак оказался во главе своей родовой дружины...». Однако, на наш взгляд, здесь с большой степенью вероятности присутствует иранский фольклорный мотив. Вспомним рассказ Николая Дамасского (FGrHist. 90. F. 75. 3), восходящий к Ктесию Книдскому и, несомненно, отражающий фольклорную традицию, причем враждебную официальной: согласно ей, отец Кира Великого, некий Атрадат, был разбойником из-за бедности, а мать Аргоста пасла коз. Таким образом, с полной уверенностью говорить об изначальном положении Аршака как вождя дружины, вероятно, не стоит.

Автор далее предлагает собственное решение «загадки Андрагора» (с. 60–65), полагая, что сатрап Парфии Андрагор, погибший в борьбе с Аршаком I, ничуть не провозглашал себя независимым от центральной власти правителем (дополнительные аргументы приведены в крайне интересном нумизматическом этюде, включенном в Приложение IV). Жаль, что эта идея до сих пор, насколько нам известно, не оценена в историографии! Наконец, и здесь, и в третьем параграфе («Аршак I и первое завоевание Парфии

² Здесь было бы небезынтересно обратиться к идеологическим истокам этой концепции, сторонниками которой были, например, как советский ученый А. Г. Бокшанин, так и не являвшийся сторонником коммунистического режима виднейший специалист по истории Парфии Ю. Вольский (его имя правильно сокращать именно так, а не Й., как у автора – он, как и положено полкажу, Юзеф).

ны» – с. 65–70) главы предприняты интересные попытки уточнить важные детали событий – военно-политические, историко-географические и хронологические, в том числе пресловутый «курьезный синхронизм». Это крайне запутанный узел разнородных проблем, и, хотя исследователь высказывает здесь немало интересных предположений, кажется, ни развязать, ни разрубить его окончательно ему все-таки пока не удалось. В частности, вызывают некоторые сомнения такие привлекаемые им для критики гипотезы о «высокой» датировке отпадения парфян аргументы, как трактовка сведений из XIII Большого наскального эдикта Ашоки³, а в особенности отнесение на основе данных двух клинописных текстов начала фракийской кампании Антиоха II к середине 250 г. до н.э. (с. 67)⁴. Извлечение этих звеньев из цепи логических доказательств может поколебать всю систему в целом.

Еще существенное другое. Мы никак не можем согласиться с автором в том, что касается взаимосвязанных вопросов о парфянской династической эре (с. 68) и о выраженном в титулатуре на монетах Аршака I его статуса (они рассматриваются также и позже – с. 76, 82–83, ср. 105): А. С. Балахванцев уверен, что тот не принимал царского титула, авторы же этих строк смотрят на проблему несколько иначе. Именно на начальный период правления Аршака I (247 г. до н.э.) приходится исходная точка отсчета аршакидской царской эры. А комплексный анализ *всех* династических эр эпохи эллинизма (селевкидской, вифинской, понтийской, и даже весьма своеобразной во многих отношениях «эры Сотера» в птолемеевском Египте) однозначно свидетельствует: эра учреждалась только тем правителем, который стал фактическим учредителем государства (нередко – но не всегда! – одержав важную военную победу, в том числе и над бывшим сувереном⁵), выступил «собирателем земель» и успешно «территоризовал» свою власть, а как результат этих успехов принял царский титул. Введение подобной системы летосчисления «задним числом» – в случае с эрой Аршакидов 97 лет спустя, уже при Митридатe I, как полагает А. С. Балахванцев (с. 68), – представляется совершенно невероятным: это, скорее, вопрос сохранности источников (в данном случае, в отличие от ситуации с данными о селевкидской эре, весьма далекой от удовлетворительной), а также конкретных политических обстоятельств, приводивших к «прокламированию» датировок по данной (уже существующей) системе в официальных надписях (особенно!), на монетах, на остраконах и пр.⁶ Причиной же учреждения этой эры можно вслед за рядом исследователей считать захват Аршаком стратегически и экономически важной области Астауэны (т.е. существенный момент в той самой «территориализации» его власти) – причем, не исключено, что эра могла быть учреждена этим правителем *post factum*, уже после фактического повышения своего властного статуса – к примеру, даже после второго захвата Парфии (как это было у Селевкидов и, возможно, в Понте – и это полностью элиминирует сомнения в том, «как могли не имевшие к 247 г. до н.э. сколько-нибудь прочных

³ Автор *ex silentio* полагает, будто отсутствие упоминаний в этом тексте Бактрии и Парфии с их правителями надежно свидетельствует о том, что эти области на тот момент еще не обрели независимости от Селевкидов. Однако в тексте не зафиксировано существование и многих других эллинистических государств.

⁴ К сожалению, специально посвященные этой теме содержательные работы последних десятилетий [Vinogradov, 1999; Avram, 2003; Psoma, 2008; Dumitru, 2011], дающих существенно более ранние датировки этого похода, исследователь не использует.

⁵ А. С. Балахванцев излишне категорично утверждает это на с. 76.

⁶ Прибегнув опять к аналогиям, отметим: первый известный документ, датированный по вифинской царской эре с началом в 297 г. до н.э. (декрет в честь царского эписмата из Прусы Олимпийской – IvPrusa I. 1 – маркируется, скорее всего, ее 110-м годом); первый известный документ, датированный по понтийской царской эре – IosPE I² 402 (оставим в стороне вопрос о ее точке отсчета) маркируется 157-м годом. Значит ли это, что в каждом из данных случаев эра была введена именно тем правителем, на время которого пришелся год составления каждой из этих надписей – Прусием I и Фарнаком I соответственно?! Сугубая риторичность этого вопроса, не подразумевающая положительного ответа, очевидна.

⁷ См.: Olbrycht, 2013, p. 63–74 – с историографией.

контактов с Селевкидами парны моментально принять совершенно чуждый и неизвестный ранее им хронологический принцип – с. 68). Отрицание А. С. Балахванцевым аутентичности сообщения Исидора Харакского (Mans. Parth. 11) о проведении акции «коронации» Аршака в г. Асаке в той же самой Астауэне на том основании, что влияние зороастризма или иранизма⁸ в культуре парнов в то время практически не ощущается (с. 75–76), также не убеждает: у многих иранских народов поклонение священному огню было связано с самыми различными культами, нетождественными «чистому» зороастризму⁹, и у нас нет достаточных оснований категорически утверждать, что у парнов в III в. до н.э. дело обстояло иначе.

Титулы Аршака I также заслуживают более внимательного рассмотрения: на его монетах при его имени греческое встречается ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ или арамеограмма *krny*. ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ на русский язык с древнегреческого можно было бы перевести словом «самодержец» или «повелитель», и таким образом посчитать ее аналогом именно царского титула [LSJ s.v. *αὐτοκράτωρ*]. С употреблением армейской легенды *krny* на монетах Аршака все еще сложнее. А. С. Балахванцев, очевидно основываясь на своем представлении о том, что Аршак изначально был племенным вождем (с. 83), интерпретирует легенду *krny* следующим образом: «Kāran является патронимическим титулом, образованным при помощи прибавления суффикса *-āna (потомок) к имени *kāga- (народ, войско), что можно понять как “отпрыск народа, войска”»; «Однако если учесть, что понятие *kāga- относится еще к эпохе родового строя и охватывает всех свободных членов общества..., можно предположить, что первоначально у иранцев в целом и у парнов в частности караном человека нарекало все племя». Однако такая трактовка термина «каран» требует комментариев. Во-первых, в ахеменидский период обладатель этого титула, который, как правильно отмечает автор, получал его непосредственно от царя, был носителем власти, совмещавшей военные и административные полномочия. Об этом можно судить на примере Кира Младшего, единственного, о ком известно из сообщения Ксенофонта (Hell. I. 4. 3), что он получил от царя титул каран. В «Греческой истории» Ксенофонт объясняет своим читателям этот древнеперсидский термин посредством древнегреческого κύριος – «господин», «владыка», однако в «Анабасисе» (I. 1. 1, 9. 7) он сообщает, что Кир был одновременно назначен как военачальником, так и сатрапом. Во-вторых, если касаться семантики этого термина, то действительно безусловна его связь с древнеперсидским понятием kāga – народ-войско, которое встречается только в Бехистунской надписи Дария I, но зато целых 112 раз. А вот по вопросу происхождения понятия «каран» можно поспорить с автором, который, следуя своей концепции, интерпретирует его как «отпрыск народа, войска». На наш взгляд, следовало бы указать и иные варианты понимания этого термина, встречающиеся в историографии, и сослаться на специальную литературу, посвященную данной теме¹⁰. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что титул *krny* на монетах Аршака был иранским эквивалентом греческого слова *αὐτοκράτωρ*, и должен был быть интерпретирован как «повелитель», совмещавший военную и административную функции – статус, который, очевидно, в глазах и самого Аршака, и его подданных был ничуть не ниже селевкидского, но фактически противопоставлялся ему.

⁸ Этот термин в данном контексте не очень понятен: автор его употребляет только здесь и никак не поясняет.

⁹ См., например, о сущности верховной богини скифов Табити именно как божества огня во всех его проявлениях и о связи культа огня с институтом царской власти [Раевский, 2006, 113–147, глава «Гестия, царица скифов»]. Кроме того, сам А. С. Балахванцев правомерно отмечает, что в сообщении Исидора, строго говоря, не идет речь именно о присущем зороастризму обряду возжигания священного огня в ходе восшествия на престол нового правителя – Аршака I (с. 75, прим. 242); соответственно этот обычай мог утвердиться в Асаке позже.

¹⁰ Подробнее см.: [Rung, 2015; Рунг, 2017]; здесь же приводятся содержащиеся в более ранних работах альтернативные объяснения происхождения термина «каран» от слова *kāga*.

Очевидно, Аршак в условиях военно-политической конфронтации с Селевкидами не желал принимать «вражеский» титул βασιλεὺς, предпочитая «короноваться» по некоему иранскому обряду, став «царем» на иранский же манер (как об этом свидетельствует и иконография изображений на его монетах)¹¹.

Столь подробно на этом вопросе мы остановились потому, что он имеет принципиальное значение для понимания сути верховной власти в ранней (да и не только) Парфии, а отчасти и в других эллинистических монархиях. При этом наше мнение все-таки не отменяет в корне основных положений авторской концепции, а скорее позволяет взглянуть на нее в несколько другом ракурсе: мы получаем не столько какое-то замедленное развитие парфянской государственности (и соответственно «неторопливое» возрастание аршакидской военно-политической мощи, что всячески подчеркивает автор), сколько ее изначальный (и вполне естественный) крен в сторону иранских устоев, что также отличало ее от условной «общееллинистической».

Еще один чрезвычайно важный, интересный и во многом загадочный сюжет рассмотрен А. С. Балахванцевым в 5-й главе (с. 71–80): это датировка обстоятельства и даже сам исход экспедиции Селевка II против парфян. Автор, вопреки почти безоговорочно господствующим в историографии мнениям, выдвигает весомые аргументы в пользу того, что Селевкиду, несмотря на первоначальные неудачи, удалось победить Аршака и низвести его до статуса вассального правителя¹².

В первом параграфе 6-й главы (ее название – «Между Рафией и Магнесией») автор уже констатирует создание «настоящего» Парфянского государства (с. 81–86), предпосылки для чего были созданы временным ослаблением царства Селевкидов после поражения молодого Антиоха III в битве при Рафии в 217 г. до н.э.; этим-то и не преминул воспользоваться Аршак I. Анализ отрывочных сведений источников позволяет исследователю гипотетически реконструировать некоторые элементы социально-политического устройства вновь образованного государственного объединения, в котором по-прежнему значительную роль играли кочевнические институты и идеологемы, а также доминировала политика, направленная на жесткое подчинение местного населения – как греко-македонского, так и иранского. Впрочем, и тут пока еще не приходится говорить об окончательном утверждении парфянской независимости и становлении государства Аршакидов как значительной державы. Анализируя события, связанные с «Анабасисом Антиоха III» на Восток и против парфян, в том числе в соответствующем параграфе (с. 86–98), А.С. Балахванцев приходит к обоснованному выводу о том, что это предприятие, вопреки имеющимся в историографии оценкам, завершилось убедительной победой царя и признанием уже новым правителем, Аршаком II, своей зависимости от Антиоха (данным обстоятельством можно легко объяснить факт отсутствия царского титула на монетах этого парфянского предводителя). Такое заключение могло бы быть подкреплено использованием наверняка известной автору новой статьи А. А. Абакумова, детально рассмотревшего сугубо военные аспекты событий [Абакумов, 2015]. Крайне интересным в этом параграфе выглядит и построенное на реинтерпретации широко известных археологических материалов из Старой Нисы доказательство изначально селевкидского происхождения этого ставшего впоследствии «эталонным» для Парфянского царства памятника (с. 87–95); особенно подкупают глубиной и оригинальностью сюжеты с анализом иконографии скульптур и изображений селевкидского якоря.

¹¹ Примерно так же полагают, например: [Gaslain, 2005; Olbrycht, 2013; Muccioli, 2013, p. 419] и многие другие исследователи.

¹² Некоторые небезынтересные моменты в интерпретации этих событий присутствуют в статье А. А. Абакумова [Абакумов, 2013], отчего-то не учтенной автором.

В заключительной, 7-й главе книги, названной «Темное двадцатипятилетие» (с. 99–106), А.С. Балахванцев вначале обращается к анализу крайне запутанных проблем генеалогии первых Аршакидов, предлагая собственные (и весьма убедительные) варианты их решения. Принципиально важным фактором, способствовавшим третьему, на этот раз успешному отпадению Парфии и ее последующему радикальному усилению, является, по мнению исследователя, помимо кризиса в державе Селевкидов, вызванного поражением Антиоха III от римлян, переход последующих парфянских правителей, Фраата I и особенно Митридата I, к разумной и взвешенной внутренней политике, основанной на прекращении конфронтации с оседлым населением Парфии и Гиркании – как эллинским, так и иранским. Это повлекло за собой активную и успешную территориальную экспансию, ставшую залогом будущего превращения Парфии в великую державу. Анализирует автор и титулатуру Митридата на его монетах, прежде всего появление царского титула. По нашему мнению, это связано с тем, что парфянский царь после достигнутых успехов стал позиционировать себя не просто как независимый правитель (главным образом) своего народа, но и как гегемон всего иранско-месопотамского региона, окончательно заменив в этом качестве Селевкидов.

Заключение содержит четко сформулированные выводы и итоги исследования. Не подлежит сомнению, что представленный автором путь к превращению Парфии в значительную военно-политическую и экономическую величину, гораздо более сложный и длительный, чем это принято считать в большинстве существующих на сегодня в мировой науке работ, куда больше соответствует историческим реалиям и должен будет расцениваться в последующих трудах как базовая концепция истории ранней Парфии. Структуру монографии сочинения успешно дополняют пять приложений, опять-таки ярко иллюстрирующих широкую эрудицию автора: здесь мы находим и чисто исторические, и лингвистические, и археологические, и нумизматические экскурсы, касающиеся истории не только собственно Парфии, но и Ахеменидов, Хорезма, Греко-Бактрии.

Работа в целом написана четким и ясным, не лишенным изящества и порой даже тонкого академического юмора языком; ее отличает высокий уровень полемичности (в том числе в отношении признанных отечественных и мировых авторитетов в изучении Парфии), насыщенность новыми идеями и соответственно тщательная и разносторонняя аргументация собственных заключений. Книга хорошо оформлена технически и полиграфически; ошибки и опечатки в ней весьма немногочисленны (и допущены, судя по всему, они не по вине самого автора – как, например, в транслитерации имени персидского царя Артаксеркса на с. 118). Текст снабжен содержательными иллюстрациями – как черно-белыми, так и цветными, общим количеством 23, а завершают монографию чрезвычайно полезный список всех использованных пассажей клинописных, арамейскографичных и греко-римских источников и достаточно пространное (с. 182–189) английское резюме. Последнее обстоятельство, хочется надеяться, сделает книгу востребованной и более доступной для зарубежных коллег.

В качестве итоговой оценки всего написанного А. С. Балахванцевым мы отметим, что это, на наш взгляд (несмотря на некоторые отмеченные недостатки и спорные места), – тот не слишком частый в нашей науке случай, когда с автором приятно соглашаться и интересно спорить. Вполне закономерно, что данная книга легла в основу докторской диссертации, успешно защищенной в июне 2018 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абакумов А. А. Восточный поход Селевка II: был ли царь в плену у парфян? *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. Отв. ред. А. В. Подосинов и О. Л. Габелко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке,

2013. С. 331–342 [Abakumov A. A. The Eastern Campaign of Seleucus II: Was the King Captured by the Parthians? *The Earliest States of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the Formation of the Kingdom of the Bosphorus*. Ed. by A. V. Podosinov and O. L. Gabelko. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke, 2013. Pp. 331–342 (in Russian)].

Абакумов А. А. Селевкидская армия в парфянской кампании Антиоха III. *Восток (Oriens)*. 2015. № 5. С. 5–12 [Abakumov A. A. The Seleucid Army in the Parthian Campaign of Antiochus III. *Vostok (Oriens)*. 2015. No. 5. Pp. 5–12 (in Russian)].

Бокщанин А. Г. *Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии*. Ч. I–II. М.: Издательство Московского университета, 1960–1966 [Bokshchanin A. G. *Parthia and Rome. The Emergence of the System of Political Dualism on the Near East*. Parts I–II. Moscow: 1960–1966 (in Russian)].

Раевский Д. С. *Мир скифской культуры*. М.: Языки славянских культур, 2006 [Raevsky D. S. *World of Scythian Culture*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2006 (in Russian)].

Рунг Э. В. Должность военачальника в Ахеменидской империи. *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.* Под ред. О. Л. Габелко, Э. В. Рунга, А. А. Синицына, Е. В. Смыкова. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. С. 45–64 [Rung E. V. The Position of Commander in the Achaemenid Empire. *Iranica: Iranian Empires and the Greco-Roman World in the VI-th Cent. BC. – VI-th Cent. AD*. Eds: O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov. Kazan: Kazan University Publishing House, 2017. Pp. 45–64 (in Russian)].

Avram A. Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphie et la mer Noire. *Comptes-rendus des séances de l'année. Académie des inscriptions et belles-lettres*. 2003. T. 3. Pp. 1181–1213.

Dumitru A. G. Les Séleucides et les Balkans: les Thraces dans l'armée séleucide. *Le Symposium international "Le livre. La Roumanie. L'europe. Troisième édition – 20 à 24 septembre 2010. Tome IV: la quatrième section. – Latinité orientale*. Bucarest, 2011. Pp. 349–377.

Gaslain J. Arsaces I, the First Arsacid King? Some Remarks on the Nature of Early Parthian Power. *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года)*. Под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2005. С. 221–224 [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture. Materials of an International Scientific Conference dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitsky (Saint Petersburg, November 2–5, 2004)]. Ed. V. P. Nikonorov. Saint Petersburg, 2005. Pp. 221–224].

Muccioli F. *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013.

Olbrycht M. J. The Titulature of Arsaces I, King of Parthia. *Parthica*. 2013. T. 15. Pp. 63–74.

Psoma S. Numismatic Evidence on the Ptolemaic Involvement in Thrace during the Second Syrian War. *American Journal of Numismatics*. 2008. Vol. 20. Pp. 257–263.

Rung E. Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire. *Iranica antiqua*. 2015. Vol. 50. Pp. 333–356.

Vinogradov Ju. G. Der Staatsbesuch von "Isis" nach dem Bosphoros. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1999. Vol. 5. Fas. 4. Pp. 271–302.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

IosPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graece et Latine. Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916.

IvPrusa – Die Inschriften von Prusa ad Olympon. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 39. T. 1–2. Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn, 1991–1993.

LSJ – *A Greek-English Lexicon*. Completed by Henry George Liddell and Robert Scott. Revised and augmented by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with cooperation of many scholars. With a revised supplement. Oxford, 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ГАБЕЛКО Олег Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры истории древнего мира Института классического Востока и античности Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия.

РУНГ Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

Oleg L. GABELKO – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Professor with the Department of Ancient History, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Eduard V. RUNG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History, Institute for Interstate Relations, Kazan (the Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.